

Наиболее естественный путь разбора Некрасовского стихотворения, состоящего из четырёх глав, — последовательный анализ «от главы к главе», «вслед за автором», в ходе которого найдут место такие приёмы анализа, как выразительное чтение, композиционный анализ, историко-бытовой и литературный комментарий, стилистический и интонационный анализ, сопоставление иллюстрации с текстом стихотворения. Чтение стихотворения целесообразно сопровождать составлением плана, который поможет определить исходную позицию анализа каждой главы «Железной дороги» и будет способствовать формированию у школьников общего представления о содержании, сюжете и построении произведения. После чтения каждой главы стихотворения школьники найдут наиболее ёмкие слова, которые передадут лейтмотив каждой из четырёх глав «Железной дороги». Вот один из возможных вариантов плана Некрасовского стихотворения, который создаётся в классе в результате его коллективного обсуждения:

I. «Всюду родимую Русь узнаю...». Картина осенней природы в стихотворении.

II. «Эту привычку к труду благородную / Нам бы не худо с тобой перенять...». Изображение созидательного труда народа.

III. «Не создавать — разрушать мастера...». Взгляд генерала на народ как на разрушителя культурных ценностей.

IV. «...труды роковые / Кончены...». Картина «светлой» стороны жизни строителей дороги.

План, передающий особенности построения стихотворения и определяющий основные мотивы его глав, явится одним из действенных средств постижения содержания и пафоса всего произведения.

После чтения I главы стихотворения школьники поделятся своими впечатлениями о ней. Картина природы, изображённая в главе, создаёт светлое, радостное настроение. Ученики обратят внимание на повтор словосочетания «славная осень!», благодаря которому начальная глава стихотворения распадается на две равные части: по два четверостишия в каждой из них. Эти части стихотворения отличаются ярко выраженными интонационными, синтаксическими особенностями. Первая часть, исключая первое полустихие-восклицание, состоит из одного повествовательного предложения, интонация которого обогащается вводным предложением с неконечным восклицательным знаком («покой и простор!»). Вторая часть, исключая повторяющееся полустихие-восклицание, состоит из четырёх предложений: трёх повествовательных, которые завершаются многоточиями, обозначающими незаконченность высказывания, и восклицательного предложения. Сопоставляя интонационный рисунок этих двух частей стихотворения, учащиеся отметят, что чтение второй части будет сопровождаться большим количеством пауз, в том числе достаточно длительных, особенно после многоточия, нежели первая часть стихотворения, озвучивание которой определяется цельностью её синтаксического строя.

Какими же художественными средствами создаётся запоминающаяся картина осени в

I главе стихотворения? Обращаясь к первым двум строкам, школьники прежде всего назовут сравнения, которые они легко найдут в поэтическом тексте благодаря использованию в нём союзного слова «как» и сравнительного союза «словно». Сравнения дополняются эпитетами и ёмкими определениями, которые привносят дополнительный аккорд в создание яркой картины осени. Заслуживает внимания и звуковая организация стиха, которая обогащается подбором сходных звуков (аллитерацией): «Здоровый, ядрёный / Воздух усталые силы бодрит...», «Жёлты и свежи лежат...». Нельзя пройти и мимо авторской оценки картины осенней природы, которая содержится в словах: «Славная осень!», «Воздух усталые силы бодрит...», «...выспаться можно...». При этом последнее словосочетание живо напомнит о личном опыте поэта — его страсти к охоте, которое знакомо ученикам по стихотворению «Крестьянские дети».

Во второй части I главы авторская оценка картин природы находит дальнейшее развитие в словах третьей строфы «Нет безобразья в природе!» и в первых двух стихах заключительной строфы «Всё хорошо под сиянием лунным, / Всюду родимую Русь узнаю...», которые приобретают символический характер. От изображения картин природы, ставшего литературной традицией, автор обращается к образу родины. Но многоточие после второго стиха заключительного четверостишия настаивает на читателе. Недосказанность рождает в читательском сознании невольные вопросы... Непосредственным переходом ко II главе стихотворения являются заключительные стихи главы-вступления — «Быстро лечу я по рельсам чугунным, / Думаю думу свою...», которые вновь характеризуются незавершённостью высказывания и вновь рожают вопросы, на этот раз — о предмете думы поэта.

Перед чтением II главы стихотворения целесообразно вновь обратиться к эпиграфу, прочитать и прокомментировать его. Эпиграф необычен и представляет собой миниатюрную сценку, в которой воспроизводится разговор в вагоне мальчика и его папаша. Эта сценка сопровождается, как в пьесе, ремарками, смысл и значение которых ученики поймут без труда. Одежда Вани, кучерский армячок, — следование моде, выставяющей напоказ народолюбие, а одежда папаша подчёркивает его генеральский чин. В первой публикации стихотворения в журнале «Современник» эпиграф заканчивался словами: «Граф Клейнмихель, душенька!» Но цензура увидела в упоминании бывшего главного управляющего путями сообщения «скрытый смысл» и посчитала неуместным «подобное выставление имён высших правительственных лиц...» (1, с. 398). В прижизненных изданиях стихотворения последняя строка эпиграфа заканчивалась другим ответом папаша: «Инженеры, душенька!» Такое вынужденное изменение значительно снижало не только злободневность эпиграфа, но и остроту конфликта, лежащего в основе всего стихотворения.

Эпиграф предопределяет композиционную структуру и жанровые особенности стихотворения. Именно во второй главе автор

стремится ответить на вопрос: «Кто строил эту дорогу?» — и правдиво рассказывает об истинных строителях дороги, о «массах народных».

В процессе разбора II главы стихотворения внимание учеников необходимо обратить на то, что вся эта часть стихотворения заключена в кавычки и представляет собой рассказ, в котором лирическое «я» совпадает с авторским. В этом рассказе, который состоит из нескольких сменяющих друг друга картин, поэт постоянно обращается к Ване. Этими обращениями, которые имеют разную стилистическую окрашенность, начинается и завершается каждая из картин, нарисованных поэтом во II главе стихотворения: вот картина беспощадного голода, правящего судьбами людей; вот изображение «толпы мертвецов»; вот картина тяжёлого труда, данная в «песне» «Божиих ратников»; вот описание внешности больного белоруса; вот, наконец, призывно звучащие строки о будущем отчизны и русского народа, которыми завершается II глава «Железной дороги».

Сложная по художественной структуре II глава стихотворения начинается обращением автора к «доброму папаше», которое вызвано вопросом Вани, содержащимся в эпиграфе. Нет сомнения, что слово «обаяние» в первой строфе передаёт состояние человека, находящегося под сильным впечатлением от чего-либо (в данном случае — от поездки по железной дороге). Слову «обаяние» в этой строфе противостоит слово «правда». Поэт, в первой публикации посвятивший своё стихотворение детям, считает возможным с «умным Ваней» говорить как со взрослым человеком и открыть ему всю правду о строительстве дороги. Впоследствии подзаголовок «Посвящается детям», возможно, по указанию Некрасова был снят. Но вдумчивый исследователь творчества К.И. Чуковский сохраняет его в одном из изданий сочинений Некрасова (3, с. V—XXXII; с. 3—611). Памятуя о творческой истории стихотворения, С.Я. Маршак подчёркивал: «...не для того, чтобы напугать или разжалобить читателя, была написана Некрасовым "Железная дорога". Стихи эти суровы и трезвы. Посвящённые детям, они зовут растущих детей к действию, к деятельности» (4, т. 4, с. 63).

Картина царя-голода, нарисованная в начале второй песни стихотворения, вырастает в символический образ: «беспощадный» голод «правит» судьбами людей. Осознавая остроту этого образа, Некрасов в публикации «Современника» снимает строфу «Водит он армии...», что, впрочем, не исключило резкой цензурной реакции на всё стихотворение в целом. Одним из лейтмотивов начала второй главы стихотворения, наряду с изображением угнетённого народа, является и тема труда. Школьники поймут, что строка «Не по плечу одному!» полемична, ибо противостоит утверждению генерала, что дорогу строил граф Клейнмихель. В стилистике первых строф второй главы не может не привлечь внимания повторение оценочных слов «страшно», «страшной». Наречие «страшно» во второй строфе резко усиливает значение прилага-